

Куды скроюсь? // А всего-то на тебе, дурачок, / Пустыяковина сидит: науч.

Свободное соединение славянизмов и высокой лексички со сниженной не создает резкого стилистического контраста, так как часто звуковое сближение слов влечет за собой сближение семантическое: слова обмениваются как бы семантическими признаками. Функция прозаизмов в таком соположении – создать двузначность представлений обыденности и причастности к творческому началу: *А не видел ли, млад – / не вемо-што, / А не слышал ли, млад – / не знамо-што...* / На князьке воронье голуби / В ползобочка воркуют до-любви.

Как видим, славянизмы и слова высокого стиля (*млад, воронье* и др.) «переплетаются» с лексикой сниженной или явно фольклорной (*не вемо-што, не знамо-што, ползобочка*). Такое соединение рождает особую экспрессию текста: слова высокого стиля на фоне сниженных и, наоборот, сниженные на фоне высоких создают особые фоновые условия для эстетического восприятия слова. Это аналогично цветовому восприятию: серое на сером не выделяется, но любая цветовая дифференциация потенциально уже имеет художественный эффект.

Таким образом, поэтическое слово М. Цветаевой – это слово, впитавшее и по-своему преобразовавшее все особенности и всё богатство русской культуры. Ее слово отличается семантической емкостью, многозначностью, обилием вызываемых им ассоциаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокуров Е. Поэзия и мысль. – М.: Сов. Россия, 1966, 88 с.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. – М.: Высш. шк., 1982, 529 с.
3. Москвин, В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. – М.: Едиториал УРСС, 2004, 248 с.
4. Ревзина, О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания идиолекта. – М., 1990, 86 с.
5. Цветаева, М.И. Собранные сочинения: в 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994, 7 т.
6. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973, 280 с.

Е.Е. Хайрушева, ст. преподаватель
КазНУ им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан

О СЕМАНТИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ В ПОЭЗИИ Б. КАНАПЬЯНОВА

Индивидуальная система художественной речи Бахытжана Канаянова развивается в условиях особой контекстуальной среды – языковой среды русскоязычной казахской поэзии, при активном взаимодействии двух языковых систем и двух национально-языковых картин мира. Это взаимодействие пронизывает весь художественный текст, отражаясь на всех уровнях его организации.

Одним из следствий такого взаимодействия является введение поэтом-билингвом в русский художественный текст инациональных лингвокультурных элементов, принадлежащих его родному, этнически первичному для него языку.

Инациональные лингвокультурные элементы, вводимые в русский текст поэтом-билингвом на разных уровнях его организации, выполняют в нем определенные стилистические функции и обладают разными свойствами, зависящими от их лингвистического статуса и формы проявления в тексте. Так, возникая на фонетическом или композиционно-синтаксическом уровне художественного текста, инациональные лингвокультурные элементы способствуют достижению определенного стилистического эффекта, стилистической окраски текста, не создавая при этом в нем лакун (смысловых пробелов из-за отсутствия в языке слов и значений, В передающих понятия другого языка) для читательского восприятия. В то же время такие элементы, вводимые на лексико-морфологическом уровне, способны создавать лакуны в восприятии читателя, принадлежащего к другой национальной лингвокультурной общности. Это происходит в том случае, если такие элементы не отражают, по В.А. Масловой, культурные универсалии [1, 52] и относятся к так называемой безэквивалентной лексике, не имеющей полных лексических соответствий в другом языке.

Произведения Б. Канаянова, написанные на русском языке, адресованные широкой массе русскоязычных читателей, значительная часть которых, проживающая за пределами Казахстана, не обладает той совокупностью фоновых культурно-исторических и лингвистических знаний, что характерно для русскоязычного читателя-казаха или представителя другого тюркоязычного народа.

Поэтому проблема компенсации лакун в читательском восприятии художественного текста, отражающего казахские национальные историко-культурные и лингвокультурные традиции, в полной мере осознается писателем. Разумеется, не все единицы безэквивалентной лексики способны образовывать лакуны в сознании воспринимающего читателя. Так, например, Б. Канаянов употребляет в своих текстах общеизвестные тюркизмы: *аркан, аул, бархан, домбра, кумыс, отара, чабан, юрта* и некоторые другие. Такие слова уже не нуждаются в разъяснении, поэтому вводятся в текст без комментариев: *Аркан я горизонт разорву, / В закат окраму рваную кану* [2, 112]; *На пенсию ушел чабан на склоне лет своих, / Уехал из аула он и стал у сына жить* [2, 109]; *Через время к вам в грядущее шагну - / Сохраните у домбры мою струну!* [3, 55]; *Прими, вот - кумыс, мясо и хлеб* [2, 11]; *Стель раздольная, края нет. / В юрте матери брезжит свет* [2, 79].

Для других слов Б. Канаянов использует в своей поэзии ряд довольно распространенных приемов компенсации лакун, которые являются приемами введения и дозирования информации в тексте, т.е. относятся к сфере композиционно-синтаксической организации художественного текста. Самый простой из них – пояснение значения слова при помощи подстроных или концевых сносок, образующих как бы вспомогательный текст, выполняющий функцию информативного пояснения элементов основного текста художественного произведения. Например: *Тебя звали Алма', / тебя называл / половиной / зеленого города, / имя твоё ...* (в примечании: «¹Алма – яблоко, второе значение – «не бери») [4, 34]; *Баба Тукты Шашты Азиз, / В моей поэме обернись. / Гаип Иран кырык шелтен' ... / О, перевода тяжкий плен! / Алкисса², / я ставлю точку...* (в примечании: «Баба Тукты Шашты Азиз, Гаип Иран кырык шелтен – традиционные персонажи казахского фольклора. ²Алкисса – присказка») [2, 110; 3, 40]; *Здесь камень / не подвластен тленью, / Кенасы! ждут богостуженья, / Ютятся гнездами в скале* (в примечании: «Кенасса – караимский храм») [2, 142; 3, 44]; *Вдали от очага родного дома / Степные погибли сыновья. / Ишла в аул бумага военкома. / Каракагаз! - что острие копыя* (в примечании: «Похоронка») [2, 88]; *Их восемь раненых бойцов, / Не встать в окне. / И - окружают степняков / Псы из Европы. / - Ур-а!' - поможет клич отцов / И наших предков...* (в примечании: «Ур! (каз.) – Бей!») [2, 83-84]; *Арыстан' я, / грозен всюду - / Армии Советской воин* (в примечании: «¹Лев») [2, 81]; *На правую сторону перехожу – спит балбала' с чашей* (в примечании: «Каменное изваяние») [2, 33];

За проволочку колочую цепляясь, рвется эбелек' (в примечании: «Перекаги-поле») [2, 25]; *И вышел в долину, и бился в долине рогами костер. / И мчался к костру Шайкуйрык, Тайбурыл, Маникер, Кокжорга', / Всадники пали и умирали от ран в плену у врага / ... / Саркыт² осталась от тризны* (в примечании: «Имена легендарных коней казахского фольклора. ²Гостинцы с поминок») [2, 11].

Другой тип композиционно-синтаксических приемов введения в русский художественный текст казахских и тюркских лексем представляет более сложные способы идентификации этих лексем непосредственно в основном тексте – повторная номинация вводимого элемента на русском языке и использование идентифицирующего лингвистического контекста, раскрывающего значение лексемы.

Повторная номинация вводимой казахской и тюркской лексемы на русском языке чаще всего дается в рамках минимальной синтаксической конструкции – части предложения. В этом случае возникает осложнение структуры предложения-высказывания добавлением различных по степени синтаксической пространныости приложений или уточняющих членов предложения, определяющих казахскую и тюркскую лексему. В стихотворении «Таугуль» приложение выражено словосочетанием: *И звали ее Таугуль – Горный цветок* [2, 42].

Особый случай представляют пояснения казахских лексем, вводимые репликой персонажа в диалоге: *Тебя звали Алма, / <...> / ты шутила при встрече: / - Парень, не так переводить, / меня звать / - «не бери», / Имя мое, / что плод, / на который / наложен запрет / ...* [4, 34]. Такие довольно редкие в тексте случаи пояснения также можно отнести к разряду повторной номинации.

Исползует Б. Канаянов и прием соединения казахской или тюркской лексемы с идентифицирующим русским контекстом, который содержит необходимый указательный минимум, соотносящий такую единицу с хорошо знакомым читателю русским этнокультурным элементом, семантически реализующим вводимую в русский текст лексему: *От этих поминок в долине степной на века я ослеп. / Саркыт осталась от тризны. Прими вот – кумыс, мясо и хлеб* [2, 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В.А. Лингвокультурология. - М.: «Академия», 2001.
2. Канаянов Б. Векаметры: Стихи. - Алматы: ИД «Жибек жолы», 2003.
3. Канаянов Б.М. Новые стихи. - Алматы: ИД «Жибек жолы», 2003.
4. Канаянов Б. Горная окраина: Лирика. - М.: «РБП», 1995.

- N. Titova. Riddles in fairy-tales: structure and functions* 124
Л. Ядрышников. Историческое измерение повседневности и эволюция фольклора 129
А. Зейналов. Пословицы и поговорки о Новом ковчеге 135
Ф.Р. Казымова. О своеобразии пословиц и поговорок, употребленных в журнале «Молла Насреддин» 142

ЛИТЕРАТУРА

- Ю.К. Аманбаева. Об актуальных проблемах диалога в научной и письменной речи* 147
Н.В. Крицкая. Выразительность поэтического слова «русских» 149
 поэм Марины Цветаевой
Е.Е. Хайрушева. О семантизации национальных лексем в поэзии Б. Канаянова 153
Л.А. Ярошевич. Художне відображення історичної доби Б.Хмельницького у драмах М.Костомарова 156
Г.И. Байбулатова. Жанровые и художественные особенности поэтических путевых записок башкирской литературы XVIII – XIX вв. (на примере произведения «Саяхатнамэ» А. Каргалы) 162
Н.Н. Чайковская. Рефлексивная конструкция в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: штрихи к портрету героев 167
К.Г. Халиков. Арабские компоненты в морфологии фразеологизмов багвалинского языка 172

МИФ – ФОЛЬКЛОР – ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ЕВРАЗИИ

31.10.2011

Материалы

Международной научно-теоретической конференции

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за полноту, чистоту, достоверность и точность приведенных фактов, цитат, а также разглашение данных, не подлежащих открытой публикации. Статьи приводятся в авторской редакции.

Подписано в печать 28.10.2011.
 Объем: 11,0 п.л. Тираж 100 экз.
 Цена договорная. Заказ № 192.

Отпечатано в ПЦ «Полиграфист»
 100074, г. Караганда, ул. Язева, 2

УДК 80/81
ББК 80/84
М 68

Миф – фольклор – литература – литература в культурной традиции
М 68 Евразии. Мат-лы междунар. науч.-теорет. конф. – Караганда:
Центр гуманитарных исследований «Тезис», 2011. – 177 с.

ISBN 978-601-80200-1-8

Сборник содержит статьи Международной научно-теоретической конференции, проходившей 31 октября 2011 г. В работах отражаются актуальные теоретические и практические вопросы современной филологической науки.

Сборник адресован ученым, преподавателям, студентам, магистрантам, аспирантам, работникам образовательных учреждений.

УДК 80/81
ББК 80/84

ISBN 978-601-80200-1-8

© Центр гуманитарных исследований «Тезис», 2011

МИФ

А.Б. Абдулина, д-р филол. наук, профессор
КазНУ им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан

СЕМАНТИКА АРХЕТИПА В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ПОВЕСТИ

В литературоведении и в других гуманитарных областях знания неотъемлемыми элементами научного интереса стали миф, архетип и мотив. Миф при этом понимается как социальное и культурно обусловленное вербальное выражение мифологического мышления; архетип – как первообраз психической деятельности человека; мотив (в основной интерпретации) – в форме специфических переживаний, характеризующихся различными эмоциями. Изучение в заявленном контексте глубинных поэтических пластов художественного мира выдающихся казахских мастеров слова значительно обогатит современное гуманитарное знание. Казахская литература представляет собой яркое явление, в котором очевидны и функционально действенны сложные архетипические составляющие национальной культуры, благодаря чему зримо и отчетливо предстает духовная жизнь казахской нации, многовековая история которой получила оригинальное воплощение в искусстве. Сегодня, когда двадцать первый век определил свой путь каждой республике когда-то огромной страны, Казахстан стремительно завершил двадцать лет независимого развития. Наиболее актуальной задачей на этом сложном пути видится, прежде всего, создание национальной эстетики, которая должна быть основана на художественной традиции, обогащенной общением с другими мировыми культурами.

Материалом предлагаемого исследования избрана повесть «Колодцы знойных долин» Сатимжана Санбаева. [1] Многогранное творчество признанного писателя особенно актуально для понимания литературы современного периода, когда на стыке столетий и тысячелетий происходит переоценка ценностей, с особой остротой встает проблема феномена национального менталитета, являющегося опорой в осмыслении самобытности истории и культуры казахов. Апельлируя к общепризнанным понятиям о фундаментальных архетипических категориях, рассмотрим повесть в соответствии к семантике и трансформации архетипа воды, помимо земли, огня и